

ГЛАВА 1

Маньчжурия. Сухие степи, предгорья Хингана. Летом здесь жара, которая раскаляет камни и высушивает хилую кустарниковую растительность. Зимой пронизывающие ветра, которые гонят поземки, выстуживают и без того ледяные камни. Чтобы полк занял позиции на границе, сменив пограничные части, встал заслоном на пути 700-тысячной Квантунской армии, пришлось привозить буквально все: воду, строительные материалы, дрова для отопления казарм и блиндажей. Вся вновь созданная Дальневосточная армия зарывалась в пески, вгрызалась в камни, расчищала дальневосточную тайгу. Но в тайге была древесина, была вода. Здесь же, в предгорьях Хингана, было тяжелее всего.

Нападения Японии на Советский Союз ждали каждый день. На западе вовсю уже грохота-

ла Великая Отечественная война, фашистские орды рвались на восток: на Украину, к Москве, к Ленинграду. Там, на западных границах, героически гибли пограничники, не отходя со своих позиций, там умирали защитники Брестской крепости, в карельских скалах насмерть бились части Красной армии. А Дальневосточная армия сидела в окопах, воины напряженно смотрели на линию границы, сжимали винтовки, рукоятки пулеметов, ждали атаки. Каждый час, каждый день. Из дня в день, из месяца в месяц. Выматывающее ожидание, когда сдают нервы, когда лопается терпение, когда хочется биться головой о камни, стрелять, лишь бы не сидеть и не ждать. Почти все: и рядовые бойцы, и командиры — писали рапорты с просьбой отправить на фронт. Бойцы с завистью смотрели на эшелоны, увозившие целые дивизии с Дальнего Востока на запад, на фронт.

И тогда враг решил устраивать провокации, он хотел заставить советское командование поверить в то, что война может начаться в любую минуту. То на одном участке границы, то на другом вдруг появлялись японцы с танками. Они разворачивались на виду советских позиций в атакующие порядки и шли в сторону границы. Молча, не стреляя, они приближались к линии

государственной границы: к контрольно-следовой полосе, к заграждениям из колючей проволоки... и уходили назад, вглубь оккупированной китайской территории. Это происходило то на одном участке обороны, то на другом.

Сегодня ранним январским утром дозорные доложили о гуле моторов, раздававшемся с сопредельной стороны. Полк подняли по тревоге, и батальон Ивашова, как и другие подразделения полка, занял свои позиции. Около часа бойцы напряженно прислушивались к гулу моторов, не видя японцев. С командного пункта полка уже трижды приходили сообщения держать себя в руках и не поддаваться на провокации японских милитаристов. А потом все увидели танки. Они шли колонной, поднимая гусеницами снежную пургу. Расчеты «сорокапятков» в боевых позициях батальонов открыли ящики со снарядами. Наводчики прицелились к прицелам.

Танки все ближе, вот они развернулись в цепь и встали. Ивашов вздохнул. А если это не все? А если сегодня как раз все и начнется? Комбат стиснул пальцами бинокль. Он увидел японских пехотинцев. Они выбегали откуда-то из-за танков и тоже разворачивались в цепь. Еще несколько минут, и вся армада двинулась вперед, к границе. Минута, две, три! Японцы не

стреляли. Капитан Ивашов опустил бинокль — теперь он видел противника уже невооруженным глазом. Подбежавший с сообщением ординарец упал рядом и, набрав в горсть снега, вытер лицо.

— Товарищ капитан! С КП полка передают не поддаваться на провокацию, не стрелять.

— Да знаю, знаю, — проворчал Ивашов и, не поворачивая головы, приказал: — Передать по цепи. Не стрелять! Без приказа не стрелять!

— А если они первыми, а если перейдут границу? — нервно спросил командир первой роты.

— Не будут они стрелять! — отрезал Ивашов. — Не дураки же они. У нас полковая артиллерия на прямой наводке стоит. А они без артподготовки идут. На укрепленные позиции, между прочим. Они, думаешь, не знают, что мы три года здесь в камень зарывались!

Капитан снова приложил бинокль к глазам, но опомнился, опустил его, поскольку и так японцев было видно, и нервно сплюнул. Все, что он говорил ротному командиру, было правильно и логично. Убедительно. Только вот на войне часто происходят вещи и нелогичные. И люди гибнут вне всякой логики, и войны начинаются, мать их... А японская пехота уже близко, первые ряды почти дошли до колючей проволоки. Ива-

шов стиснул кулаки. «Еще пять минут, и мне придется отдать приказ открывать огонь. — Эта мысль была простая и привносила в душу даже какое-то успокоение. — Сейчас японцы пересекут государственную границу, и мы начнем стрелять. И все будет понятно и предельно просто. Вот враг, он посягнул на нашу землю. И наш долг, долг воинов своего Отечества, этого врага отогнать или истребить. И никаких уже сомнений и терзаний! Ну же, гады!»

Японцы остановились по ту сторону колючей проволоки всего в паре десятков метров от нее. Взрели моторы танков, выбросив в воздух струи темного дыма. Танки рванули вперед и тут же развернулись на месте, зацепив гусеницами ограждение из колючей проволоки. Развернулись и... пошли назад. Повернулась пехота и быстрым шагом стала удаляться. Все... Спектакль на сегодня окончен... Ивашов опустил голову на руки. Только сейчас он почувствовал, что под полушубком у него мокрая от пота спина.

Штаб Квантунской армии располагался в большом трехэтажном здании, занимавшем целый квартал в городе Синьцзин, столице марионеточного государства Маньчжоу-Го, образованного Японией в Маньчжурии.

Полковник Икэда вошел в кабинет командующего и замер, в вежливом приветствии склонив голову. Жесткий накрахмаленный воротник впивался ему в шею, но разведчик терпел. Принятые при дворе императора манеры должны соблюдаться и за пределами империи. Командующий Квантунской армией, смотрел на визитера строго, недовольно и высокомерно.

— Это недостойно, — холодно заметил генерал. — Офицер императорской армии расхаживает в гражданском сюртуке, в то время как вся Маньчжурия трепещет, преклонив колени перед величайшей армией. Вы боитесь, что грязные китайские крестьяне, узнав в вас полковника японской армии, сразу нападут на вас. Не заставляйте меня усомниться в вас, полковник Икэда.

Возражать и что-то объяснять было нельзя. Икэда обязан был почтительно молчать и вникать. Не стоило объяснять армейскому генералу, что работа разведчика заставляет избегать появления в общественных местах в военной форме. Ни к чему привлекать к себе внимание на оккупированной территории, тем более полковничьи погонами японской императорской армии. Увы, так часто бывает и в других армиях, когда армейское руководство выражает недовольство

и даже презрение к рыцарям «плаща и кинжала», как в Европе иногда называют офицеров разведки, поскольку считают их методы ведения войны недостойными в борьбе с противником. Увы, им не понять, каковы были бы их победы, если бы не разведка и не контрразведка.

Высокомерно вздернув подбородок, генерал прошелся по кабинету и уже возле самой двери соизволил обернуться.

— Вас ждет полковник Асано. Не смею задерживать.

Выждав пару минут, собравшись внутренне, Икэда попытался по древней методике самураев восстановить душевное и эмоциональное равновесие. Сделать этого полностью не удалось. Что-то сломалось внутри полковника, его дух ослабел. Нет, надо брать себя в руки, иначе нельзя будет работать, иначе он не сможет делать то, что от него ждут здесь, в Маньчжурии. А ведь он довольно успешно работал в среде китайских повстанцев, в неоднородной среде русских эмигрантов. Благодаря работе полковника Икэды удалось предотвратить множество террористических актов партизан, восстаний целых районов.

Дежурный офицер в коридоре назвал номер комнаты, в которой Икэду ждал полковник Асано.

— Что вам наговорил командующий? — улыбнувшись только глазами, спросил Асано. — Он был чем-то недоволен?

— Он успел вам рассказать о нашей беседе? — удивился Икэда, стиснув зубы, отчего его широкие скулы шевельнулись.

— Мне не нужно встречаться с генералом Хирохито, чтобы это понять. — Асано протянул руку и указал на кресло. Кабинет был устроен по европейскому образцу. — Вы слишком возбуждены, я вижу гнев в ваших глазах. Увы, тот, кто смотрит на мир слишком узко и видит только хорошее или только плохое, обречен на неудачу. Взгляд, особенно взгляд воина, должен охватывать больше пространства. Только тогда он увидит больше опасности или больше преимуществ для себя. Наше положение в Маньчжурии довольно сложное. Не думайте о Хирохито. Его взгляд — это его война, а у нас с вами будет своя.

— Вот как? — удивился Икэда. — Я поступаю в ваше распоряжение и перехожу в отряд «Асано»?¹

---

¹ Отряд «Асано» был сформирован при штабе Квантунской группировки в 1936 году. Он представлял собой вооруженное подразделение из прошедших военную подготовку русских белоэмигрантов под командованием японского полковника Асано и предназначался для ведения разведывательно-диверсионной деятельности и военных действий против СССР. За несколько лет, к 1944 году, численность отряда «Асано» была увеличена до пяти рот.

— Нет, полковник. — Глаза Асано стали холодными. — Но мы будем работать с вами вместе.

— Неужели начинается? «Тэйкоку Рикугун»?¹ — Глаза Икэды загорелись.

— Пока нет, — качнул головой Асано, — но планы императора нам неизвестны. Только он принимает решения. Но русские должны думать, что война вот-вот начнется. Их нужно держать в постоянном напряжении. Наша задача совместными усилиями организовать крупную диверсию здесь, в Дальневосточном регионе Советского Союза. У нас нет полного доверия тем русским, которые пошли на службу в японскую армию, которые сотрудничают с нашей разведкой. В них нет такого особого духа, который есть у истинных сыновей Ямато.

Шелестов выключил люстру, оставив включенными только настольную лампу под зеленым абажуром и торшер возле дивана. Платов сразу открыл глаза, потер лицо ладонями и одобрительно кивнул, увидев, что Шелестов разливает по стаканам крепкий чай. Перелет в холодном транспортнике, который попал в снежный фронт

---

¹ «Сибирский поход японской армии» — так был закодирован план нападения Японии на СССР в документах.

и вынужден был садиться на запасной аэродром, потом переезд по бездорожью на вездеходе. Да плюс почти две бессонные ночи. Горячий чай был кстати.

— Может, коньяку в чай? — спросил Максим. — Хоть согреетесь.

— Нет, спасибо, — тихо ответил комиссар госбезопасности. — Алкоголь — вещь двоякая. Мгновенный положительный эффект, а потом обратная реакция. И хоть ты тресни, а глаза закрываться будут еще сильнее. Обычная реакция сердечно-сосудистой системы человека. И давай потише говорить, пусть твои ребята отоспятся.

Группа спала «без задних ног», как любил говорить Буторин. Платов не стал будить оперативников, полагая, что довести основную важную информацию можно только до Шелестова. За время перелета до места он вполне может поделиться ею со своими товарищами. Да и на месте им придется изучать ситуацию, принимать решение самим. Из Москвы в такой сложной ситуации не накомандуешься.

— Через шесть часов ваша группа, Максим Андреевич, вылетает в Хабаровск, — задумчиво поглаживая пальцами бок металлического подстаканника, сказал Платов. — Мне еще нужно

закончить ваши дела здесь, в Горьком, и вернуться в Москву. Так что на весь инструктаж у меня не больше часа.

— Хабаровск? — Шелестов замер, не донеся стакана до рта. — На Дальнем Востоке активизировалась Япония? Вы ждете войны?

— Хуже, Максим Андреевич, — спокойно ответил Платов.

— Что же может быть хуже войны?

— Ожидание войны, — неопределенно пожав плечами, ответил Платов. — Непонимание, когда она начнется. Ожидание первого удара, невозможность нанести первый удар самим, но знать, что враг его нанесет рано или поздно первым. Постоянная тревога от того, что, кажется, будто мы еще не все сделали, чтобы дать врагу отпор. Много чего хуже войны. Война — это всегда развязка событий. Но сколько всего предшествует ей, сколько сделано попыток отсрочить, избежать. Сколько нервов и жизней положено ради этого. И ты так до конца и не знаешь, начнется она или нет. Увы, слишком много факторов играют роль, слишком много игроков имеются на международной арене, которые ищут свою выгоду и готовы подставить другого вместо себя. Часто войны начинаются не так, как мы предполагаем, часто они про-

текают не так, как мы планируем. Но война — это всегда битва ресурсов и битва за ресурсы. Один нападает, когда уверен, что у него хватит ресурсов победить, другой тянет, опасаясь, что их не хватит.

— Чего тянет Япония? — тут же спросил Шелестов.

— Японии может не хватить ресурсов. Ее в эту авантюру втянула Германия. Но перед этим аппетиты японского императора разогрела Британия, давая понять, что заинтересована в том, чтобы Дальний Восток отошел от Советского Союза. Германии было выгодно, что мы держим огромные силы на Дальнем Востоке, опасаясь войны на два фронта. Но сейчас, когда Гитлер получил два сокрушительных удара — под Сталинградом и на Курской дуге, когда вермахт окончательно потерял стратегическую инициативу, наступательный потенциал, понеся ни с чем не соизмеримые потери в танках и самолетах, Германии нужна активность Японии. Германия хочет любой ценой заставить Японию активизироваться. Немцы хотят, чтобы мы перестали перебрасывать на запад свежие дивизии. Германия хочет, чтобы мы поверили в то, что Япония вот-вот нападет на Советский Союз.

— И что Япония должна сделать? — хмуро спросил Шелестов.

— Если и не начать войну с нами немедленно, то, по крайней мере, показать, что она ее вот-вот начнет. И доводы должны быть убедительными. Вы помните, что происходило в сорок первом в прифронтовой полосе сразу после того, как вермахт перешел нашу государственную границу? И что происходило непосредственно перед этим? Да-да, диверсии, нарушение связи, нападение на старших офицеров.

— Дальний Восток удален от центра страны, — соглашаясь, покивал Шелестов. — Быстро перебросить туда силы, необходимые ресурсы не так просто. То, что сформировано на сегодняшний день, тем и будет располагать наша армия, весь регион в случае начала войны?

— Вот именно. Диверсии должны быть направлены именно на объекты стратегического масштаба. Объекты такого масштаба, уничтожение которых подорвет обороноспособность региона, армейских частей, лишит их таких ресурсов, без которых армия на Дальнем Востоке не сможет долго воевать, а перебросить такое количество ресурсов из европейской части страны или из Сибири невозможно. Атаку на такого

рода объекты в любом случае придется расценивать как начало войны.

— Или попытку показать нам, что это начало войны, — вставил Шелестов.

— Правильно, — усмехнулся Платов. — Ухватил главную мысль. И мы совершенно точно должны знать, что это! Начало или попытка испугать возможным началом.

— Не слишком ли грандиозная задача для четырех человек, Петр Анатольевич?

— Ну-ну! — рассмеялся комиссар госбезопасности. — На вас вся разведка страны не держится. Разумеется, у меня есть и другие источники информации и вам помогать будут тысячи людей, вся дальневосточная структура НКВД будет работать и уже работает в этом направлении. Не считая заграничной разведки. Ваша задача на месте понять, на какие конкретно объекты нацелятся японские диверсанты. Не так просто развернуть масштабные действия за такой короткий промежуток времени. Поэтому удары будут сильными и точечными. Вы должны их предотвратить и получить сведения об истинных намерениях японцев. Вместе с другими источниками информации вы сможете Берии предоставить руководству страны доказательства истинных намерений врага, а товарищу

Сталину и его ближайшим соратникам — принять правильное решение.

— А как вы сами считаете? Возможно начало войны с Японией именно сейчас?

— Ситуация слишком серьезная и неоднозначная, Максим Андреевич. Сейчас нельзя доверять первому впечатлению и своим личным убеждениям. Только факты, только доказательства, только трезвый анализ! А результаты такого анализа говорят: вермахт теряет инициативу, а у Красной армии появляется возможность начать масштабные наступательные действия. Это приведет к разгрому немецко-фашистских войск и разгрому нацистской Германии и всей гитлеровской коалиции. Поэтому на Дальнем Востоке стоит ожидать активных действий, призванных ослабить наши наступательные возможности и ресурсы. Что это будет: война или имитация ее начала, мы не знаем. А должны знать. Вот и вся диспозиция. Все остальное эмоции, а они вредны в нашем деле.

А через шесть часов транспортный «Ли-2» уже летел на восток, унося на борту, помимо военного груза, четырех оперативников группы Шелестова. Максим коротко рассказал товари-

шам о задании, сделав акцент именно на военно-политической обстановке в регионе в частности и в мире вообще. Буторин угрюмо смотрел в иллюминатор, Сосновский внимательно слушал и в знак согласия кивал. И только Коган засыпал командира вопросами.

— Хотелось бы точнее знать, где граница наших полномочий. А то ведь по тайге бегать мы умеем, выслеживать и брать живьем можем. А вот что дальше? Допросы, сведения, агентурная разработка? На это местные органы пойдут? Или поймали, и на том спасибо, а потрошить мы будем сами? А потом оповестят, что еще что-то вскрылось и вы, ребятки московские, ступайте туда — не знаю куда и разузнайте то — не знаю что?

— Ну-ну, — усмехнулся Шелестов. — Такого никогда не было. Мы всегда имели полномочия координировать действия местных органов, ставить задачи и получать сведения по данной операции.

— Всегда? — оскалившись, ехидно сказал Коган, еще больше выкатывая свои круглые глаза. — А ты забыл, как тебя чуть не расстреляли, координатор?

— Перестань, Борис, — неожиданно вмешался в разговор Буторин. — Накладки были

и будут всегда. Это неизбежно что в разведке, что на фронте на передовой. Сейчас главное другое. Очевидно, что противостоять нам придется не только предателям, окопавшимся за кордоном и пригретым оголтелыми японскими милитаристами. Нам придется столкнуться и с японской разведкой. Иран — это одно, Горький — другое, там вообще, почитай, тысяча километров до фронта. А там, на Дальнем Востоке, нам придется действовать в условиях, когда до границы сотня километров и не больше, почти в приграничной зоне. Ее нашпиговать и агентурой, и схронами с оружием и взрывчаткой, и готовыми базами для диверсионных групп можно очень легко. И я думаю, что в сорок первом году ее и нашпиговали. Не использовали? Понятно почему. Берегли для более сложного времени на Западном фронте. И вот оно наступило. А времени у нас на изучение обстановки и раскочку нет совсем.

— Что ты предлагаешь? — осведомился Коган. — Или просто поворчать решил?

— Нам придется сразу разделиться, — пропустив язвительное замечание товарища, заявил Виктор. — Взрывать штабы и рвать линии электропередачи, телефонные кабели они не станут. Это и младенцу понятно. А вот

совершить диверсию, которая оставит регион, заводы, армию без электроэнергии, горючего, боеприпасов, — это реально, если за спиной стоит не какая-то вшивая эмигрантская организация, а целое государство. И еще! Это, конечно, сугубо мое личное мнение, но причина никогда не бывает одна. Это закон природы. Причина активизации Японии на Дальнем Востоке может лежать не только в плоскости событий на советско-германском фронте. Японии нужны ресурсы, Японии нужны сильные союзники, Япония может любыми способами показывать нам, что вот-вот вступит в войну. А японцы понимают, что для Советского Союза это почти катастрофа. Ведь тогда они могут на политической арене диктовать нам условия, получать иные выгоды на дипломатическом поле.

— Да, это очевидно, — согласился Сосновский.

— Все правильно, — поддержал товарища Шелестов. — Собственно, Платов об этом и предупреждал. Настрой у Японии весьма серьезный, и уровень провокаций может быть тоже весьма серьезным. А причин действительно несколько, и каждая сама по себе большая угроза нашей стране, а уж о вместе взятых и говорить

не приходится. Короче говоря, работа нам предстоит серьезная.

— Как обычно, — пожал плечами Коган.

Порыв ветра бросил парашют в сторону, прямо на деревья. Капитан Аленин попытался подтягивать стропы с одной стороны, чтобы чуть наклонить купол, изменить траекторию спуска, но сделать он ничего не успел. Бросив стропы, он только сумел закрыть лицо руками, чтобы не лишиться глаз. Удар был сильным. Затрещали ломающиеся ветви, что-то больно ударило в бок, по голове. А потом Аленин всем телом врезался в ствол дерева с такой силой, что на какое-то время потерял сознание.

Сознание возвращалось медленно. И первое, что он стал чувствовать, — это дрожь в застывшем теле, которое холод пробирал почти насквозь, несмотря на меховой летный комбинезон. Аленин пошевелился, с трудом сгибая окоченевшие руки. Тело трясло в мелком ознобе, ног он не чувствовал. «Сколько я так провисел? Пять минут, час, три часа? Надо спускаться, иначе мне конец», — подумал капитан. Глянув вниз, он содрогнулся, но теперь уже не от холода. Он висел на верхушке старого кедра, на высоте метров в сорок. Значит, надо как-то

раскачаться и зацепиться за ствол или толстые ветки, чтобы потом отстегнуться и спуститься на землю по ветвям.

И Аленин стал раскачиваться так, как это делал еще в детстве на качелях, помогая себе ногами, делая рывками сильные махи. Тело слушалось плохо, но через несколько минут мучительных упражнений ему все же удалось ухватиться рукой за ветку. Помогая себе второй рукой, человек стал подтягиваться. Пальцы окоченели и не хотели сжиматься, ветка выскользнула, и приходилось цепляться, отчаянно стискивая зубы. И когда Аленину все же удалось более или менее основательно зацепиться руками за ветви и даже, помогая себе одной ногой, ухватиться носком мехового сапога за нижнюю ветку, он вдруг понял, что не сможет отцепить стропы. Чтобы разъединить сцепной механизм, нужно использовать две руки. Если он отпустит ветку, то снова окажется болтающимся на высоте без опоры.

И тогда Аленин нащупал ножны на ремне. Рядом пистолет, но он не поможет. Только разрезать и при этом не выронить нож. Тогда надежды спастись не останется. Эх, никто не додумался приделать к рукояткам ножей темляки, как на казачьих шашках. «Уроню,

пальцы совсем не слушаются, — думал капитан, — а мне ведь еще усилия прилагать, и я его уроню. Пока есть силы, надо использовать все что могу». Аленин снял правую меховую перчатку, подышал на пальцы, а потом вытянул из ножен нож. Направив его лезвием внутрь, он просунул нож в перчатку и стал прокалывать отверстие между большим и указательным пальцем. Острое лезвие довольно быстро проткнуло мех и кожу и вышло наружу из перчатки так, что рукоятка ножа осталась внутри. Надев перчатку, Аленин примерился, постарался почувствовать рукоятку ножа в ладони. Не очень удобно будет так резать, но есть гарантия, что нож не вывалится из руки и не упадет вниз.

И снова утомительная раскачка на стропах, чтобы суметь уцепиться руками или ногой за ветви дерева, чтобы хоть как-то подтянуть свое окоченевшее тело к стволу. Аленин напрасно рассчитывал, что эта работа согреет его. Он, кажется, застывал еще больше. Прошло неизвестно сколько времени. Капитан уже не чувствовал, зацепился он носком мехового сапога за ветку дерева или нет. Потом ему повезло. Задыхаясь от напряжения, он задержался сгибом локтя за ветку и стал отдыхать. Ветер обжигал

горло, перехватывал дыхание. Собравшись с силами, он начал пилить лезвием ножа прочную стропу. Нож скользил в его пальцах, он перехватывал его удобнее и снова пилил, чувствуя, как трещит многослойный брезент.

И когда оставшиеся волокна лопнули под его весом, Аленин чуть не сорвался, но, удержавшись, понял, что не ошибся, начав резать левую стропу, ибо повис на левой руке, удерживаясь еще и левой ногой за ветку. Теперь перехватиться удобнее, надежнее обхватить ветки и резать правую стропу. Черт, руки уже ничего не чувствуют. И почему-то кровь на перчатке. Да это несколько раз лезвие соскальзывало внутрь перчатки и резало пальцы. А капитан и не чувствовал этого, правда, он ощущал другое — рукоятка ножа скользила в окровавленной ладони.

Еще, еще немного. Аленин чувствовал, что может не удержаться, когда стропа окажется перерезанной, где-то на грани сознания билась и трепетала мысль, что уже не важно, пусть не удержится, пусть упадет и разобьется, потому что никаких физических сил держаться уже не хватало. Это было не отчаяние, а смертельная усталость, и он смирился с неизбежным. Капитан ловил себя на мысли, что были моменты, когда он не понимал, как висит: вниз головой,

вниз ногами, а может быть, боком. Он даже переставал чувствовать, что держится за ветку. Старательно выводя себя из обморочного состояния вспышками злости, он снова и снова пилил лезвием стропу. А потом он увидел за деревьями вдалеке дымок. Светлый дым, такой, каким он поднимается из трубы русской хаты во время мороза. Печка, тепло, люди. Дым, или это мираж, или плод воспаленного воображения — не важно, только пилить, только не сдаваться.

Рывок, и он повис на ветке, мерно покачиваясь... Не упал! Не упал, удержался! Аленин дышал тяжело, судорожно. Казалось, что внутри замерзло все до состояния льда. И сердце не стучит, а еле трепещет в груди, и легкие уже не могут дышать. Капитан ухватился руками за ветки. Он устался на свою правую руку. Он не помнил, когда успел сбросить перчатку с ножом, и теперь держался за ветку обнаженной окровавленной ладонью. Надо нащупать ногой ветку и спуститься чуть ниже. Но ноги ничего не чувствуют. Вдруг колено коснулось чего-то твердого. Аленин опустил голову и посмотрел вниз. Ветка. Нужно схватиться немного ближе к стволу, потом перехватить руку и наступить на ветку, потом снова дотя-

нуться, обхватить ствол и чуть сползти вниз до следующей ветки.

Он проговаривал в голове свое каждое движение, каждый шаг. Это помогало не терять сознания. Еще шаг, еще на метр ниже. Теперь на эту ветку. Но нога не оперлась о ветку, она провалилась в пустоту, руки соскользнули, и Аленин с хриплым криком полетел вниз. Удар, снова удар боком, и из глаз полетели искры. Когда он открыл глаза, то увидел над головой небо и ненавистный купол парашюта, трепавшийся на ветру на верхушке дерева. Он выжил. И это значит — нужно продолжать бороться, выживать, еще что-то делать.

И капитан попытался перевернуться на бок. Острая боль пронзила бок, да так, что Аленин едва не задохнулся от боли. Сломано ребро или несколько ребер. Со стоном он все же сумел перевернуться, уткнувшись лицом в снег. Теперь встать и идти в ту сторону, где недавно, вися на стропах, видел дым. Лицо стало ломить от ледяного холода. Встать, нужно встать. Аленин подтянул руки под грудь, потом непослушную правую ногу под живот и начал вставать. И снова дикая огненная боль, но теперь уже пронзившая ногу от голени и вверх, до самого сердца.

А-а-а! Крик пронесся по тайге и затих среди огромных лап елей. Человек лежал, стискивая зубы. Нельзя, нельзя лежать. Не могу идти, значит, надо ползти, ползти... ползти. И он пополз, толкаясь только руками, стискивая зубы, в кровь кусая губы. Слезы от боли и отчаяния текли по щекам и замерзали на лице...

Полковник Крапивин в обычном гражданском пальто и шапке-ушанке с кожаным верхом встретил группу на аэродроме. Шелестову понравился волевой сильный взгляд заместителя начальника управления НКВД. Здороваясь, пожимая руку каждому члену группы, Крапивин, казалось, успевал взглядом окинуть, оценить человека, его способности, опыт. Чуть прищуренные глаза, плотно сжатые тонкие губы и удивительно сильные руки с широкими ладонями. «Руки лесоруба», — почему-то подумалось Шелестову.

Автобус «Газ-03-30» ждал на взлетной полосе. И как только группа вошла в салон и расселась на сиденьях, машина сразу тронулась. Крапивин подсел поближе к москвичам и заговорил:

— Мне звонил комиссар госбезопасности Платов и сообщил, что вы в курсе общей стра-

тегической позиции здесь, на границе с Маньчжурией. Не буду повторяться о сложившейся обстановке на потенциальном советско-японском фронте. Перейду сразу к последним событиям, по факту которых вам и придется начинать работу с нами. Если коротко, то сейчас весь оперативный состав Дальневосточного управления НКВД задействован на противодиверсионных мероприятиях. Ведомственные части охраны Наркомата путей сообщения и военных заводов усилены подразделениями бойцов из войск НКВД. Активно привлекаем милицию. Руководителям территориальных отделов разосланы циркуляры и ориентировки. Это, так сказать, общее направление работы на опережение. Мы пока не знаем, как будет действовать враг и будет ли он действовать в ближайшее время. Мы здесь считаем, что будет. Японцы активизировались, есть сведения, что руководство Квантунской группировки считает необходимым расширять и активизировать в наших тылах разведывательно-диверсионную работу.

— Но пока тишина? — спросил Шелестов.

— Не совсем, Максим Андреевич, — полковник качнул головой. — Но вы успели как раз к началу развития событий. Удивляюсь я комис-

сару Платову. Как он в Москве видит и чувствует ситуацию. Как будто сам у нас здесь годами работал, держал руку на пульсе. Так вот, охотники в тайге в предгорьях Сихотэ-Алиня нашли тело человека. Одет в летный меховой комбинезон и летный шлем. Он приполз из тайги и умер буквально на пороге охотничьей хижины в лесу. Умер, как нам предварительно сказали медики, от переохлаждения и большой потери крови. У него открытые переломы обеих ног и, видимо, обморожения. Охотники сообщили в милицию. Участковый собрал местных охотников и организовал прочесывание местности для поиска, возможно, других людей, товарищей этого погибшего. Но они нашли в нескольких километрах от зимовья лишь повисший на дереве парашют.

Тело лежало в холодном гараже управления НКВД. Зрелище было, конечно, не для слабонервных. Мертвец лежал на спине, руки его были приподняты перед грудью, штанов не было, голени окровавлены, в двух местах белели кости, пробившие кожу. Одежда лежала здесь же на столе.

— Силен, — покачал Коган головой, глядя на труп. — Несколько километров проползти

зимой с переломанными ногами. Только наши так могут. Ясно, что это не японец.

— Глубокая мысль, — усмехнулся Крапивин. — Однако без японцев тут не обошлось. Это не наш летчик. Очевидным все стало, когда стали осматривать одежду. И комбинезон японский, и меховые сапоги, и шлем. Больше вам скажу, товарищи, у него даже нижнее белье японское.

— Значит, не случайный человек, — кивнул Шелестов. — Не просто так приехал к ним на аэродром, не просто так посадили его в самолет и сбросили на нашей территории. Значит, жил на какой-то японской базе, готовился к переброске. И готовился основательно. Был на полном обеспечении. Парашют, видимо, тоже японский?

— Разумеется, — ответил Крапивин, подходя к брошенному у стены парашюту. — Вот это и примечательно, что готовившие этого человека для заброски на нашу территорию не стеснялись подтвердить, что это происходило в Японии. Не скрывали его принадлежности. Я бы даже предположил, что сделано это было умышленно. Ведь гитлеровцы, когда забрасывают диверсантов в тыл Красной армии, пытаются максимально обеспечить его всем советским, настоящим,

вплоть до сигарет, спичек, бритвенных принадлежностей. Их перед заброской в разведшколах стригут и то русские парикмахеры. А тут такая демонстрация всего японского.

— Покажите на карте, где найден человек и где находится место приземления, — попросил Буторин.

Вернувшись в кабинет Крапивина, оперативники собрались возле стола полковника. Тот, порывшись в сейфе, достал крупномасштабную карту и расстелил ее. Взяв карандаш, он стал водить им по карте.

— Вот Хабаровск. Это железная дорога на Иркутск. Вот здесь его нашли охотники. Тут их старое, еще довоенное зимовье. Парашют на дереве милиция нашла вот тут. Как видите, расстояние немаленькое, но раненый сумел проползти его. Предполагая, что зимовье может быть указано на японских картах и может оказаться местом сбора группы диверсантов после их приземления, я распорядился устроить там засаду. Командир подразделения НКВД регулярно выходит на связь по рации, но пока тишина. Незваных гостей не было.

— Они осторожны, — сказал Сосновский. — Вероятно, они поняли, что их товарища отнесло ветром далеко от места предпо-

лагаемого приземления. Может, даже предприняли попытки его розыска. Не исключено, что они уже знают о его гибели и о том, что его нашли местные. Они не придут, они постараются поскорее покинуть этот район. Если они вообще существуют.

— Вы полагаете, что этого человека сбросили одного? — Крапивин уставился на Сосновского.

— Почему бы и нет? В большой группе не было необходимости, если он всего лишь «курьер», который вез новые инструкции для резидентуры, может быть, деньги, документы, запасные батареи для рации. Мало ли...

— Но при нем ничего не нашли.

— Возможно, есть и второй парашют, и десантный контейнер, — пожал плечами Сосновский. А может быть, и нет. А этот человек — хорошо подготовленный агент, который шел к месту встречи. Бывает, что летчики ошибаются, погода подводит. Вот и приземлился далеко от места, где его ждали сообщники. А тут еще несчастье с ногами. Думаю, что вам просто повезло.

— Повезло. Несомненно. Мы могли вообще о нем не узнать, — согласился полковник. — Но я все равно распорядился отправить поисковые группы с местными проводниками на розыск

возможных диверсантов. Если это все же была группа.

— Давайте поступим с вами следующим образом, — сказал Шелестов. — Мы с Борисом Михайловичем останемся в управлении и подумаем с вашими специалистами, какие наши действия сейчас важнее всего, оценим ситуацию. А Виктор с Михаилом вместе с вашими бойцами прочешут тайгу в местах вероятного приземления парашютистов. Мы можем запросить у метеорологов сводку о направлении и силе ветра в тот день?

...Буторин и Сосновский выехали на разных машинах в сопровождении автоматчиков из полка НКВД. Каждой группе прикрепили местного опытного охотника-промысловика. Снега в январе в Забайкалье выпадает очень мало, поэтому обе группы пошли без лыж. У дальнего распадка машины остановились. Буторин высунулся из кабины и помахал Сосновскому рукой.

— Миша, не лезь на рожон!

Сосновский махнул рукой и что-то крикнул, но Виктор его не расслышал. Приказав водителю двигаться, он попросил невысокого щуплого охотника, втиснувшегося в тесную кабину вместе с ним:

— Давайте слишком близко не будем подъезжать к тому району, где могли высадиться диверсанты.

— Думаешь, что они еще там, начальник? — усмехнулся охотник. — Нету их там. В тайге в такое время человеку не выжить без крыши над головой, без печки. В тайге зимой чуть ноги промочишь, и все: от внутреннего озноба не спасишься, скрутит он тебя так, что зуб на зуб попадать не будет, и насмерть замерзнешь.

— Знаю, что они не будут сидеть там, где приземлились, — проворчал Буторин. — Да только они могли не все с собой забрать, когда приземлились. Могли что-то оставить в тайге, а потом вернуться за вещами. Я бы на их месте, если они спускались с грузом, так и сделал. Места дикие, людей поблизости нет, никто не увидит. То, что мы одного нашли, — чудо и удача. Но они этого могут пока не знать.

— Ну, так-то оно может быть, — согласился охотник и повернулся к шоферу. — Ты, парень, держи сейчас вдоль опушки этого леса. Ближе к деревьям держись. Там и кустарник не такой мощный, и камней поменьше. А потом, как балка покажется, ты ее слева объезжай. Да не газуй, не спеши. Наперед себя все одно не приедем.

Машина ползла по заснеженной равнине, объезжая занесенные снегом низинки, большие камни, участки, буйно поросшие кустарником. Буторин развернул на коленях карту, сверяясь с ориентирами на местности, попытался определить положение машины и расстояние, которое им предстояло проехать. Судя по направлению ветра в день, когда были выброшены парашютисты, если только погибший был не один, диверсанты опускались северо-западнее Лосиной балки. Одного отнесло на юго-восток. Остальных тоже несло в этом направлении, но если они более опытные парашютисты, то могли справиться с ветром и приземлиться на несколько сотен метров ближе к точке выброски. Охотник, когда Буторин показал ему положение возможных диверсантов на карте, согласился.

— Тадысь нам перед балкой и надо встать, — ткнул он заскорузлым пальцем в карту. — Если ты говоришь, их ветром по небу сюда несло, а энтого аж в кедровник забросило, то до Лосиной балки им и не долететь. Значит, мы ее южнее обойдем, а потом разделимся и как расческой пройдемся километра два вот в направлении этой сопки. Ежели там следов не найдется, значит, их и нет вовсе.

Наконец машина остановилась. Спрыгнув на снег с подножки, Буторин убрал карту в планшет и приказал своим бойцам построиться у машины. И когда десять автоматчиков во главе с рыжеусым сержантом выстроились в две шеренги, Виктор заговорил, строго взглядываясь в глаза солдат:

— Сейчас мы с вами начнем прочесывание местности. Участок небольшой, и мы редкой цепью быстро пройдем его. Что искать! Следы приземления парашютистов. А это значит — многочисленные следы ног, следы волочения парашюта, обломанные ветки, следы от стаскивания за стропы парашютов с деревьев. Особо искать тайники, устроенные в сугробах или под ветвями елей. Предупреждаю всех, что в лесу могут оказаться и сами диверсанты, вернувшиеся за своим грузом. Предельная осторожность и внимательность. Огонь без толку не открывать, иначе вы можете подстрелить местного охотника, приняв его за диверсанта. И помните, диверсантов брать только живыми. Только живыми!

Цепь развернулась, выдерживая обозначенное расстояние в двадцать метров между бойцами, и двинулась, пересекая открытый участок местности к редколесью. Буторин шел вместе с охотником позади цепи. Они осматривали

самые подозрительные места, которые бойцы пропускали по неопытности и невнимательности: присыпанную снегом ямку с подозрительно торчавшей из снега еловой лапой, сугроб под деревом, то ли наметенный ветром, то ли специально насыпанный человеком. Цепь шла около часа, осмотрев довольно большую территорию, когда сержант вдруг поднял руки, приказывая всем остановиться. Буторин с тревогой посмотрел на солдат и побежал вперед.

— Что здесь? Не трогать! — выпалил Виктор, видя, как сержант и двое автоматчиков подходят к большой ели с раскидистыми пышными лапами.

Он подбежал к дереву первым и отстранил бойцов. Так и есть, под тяжелыми мощными лапами старой ели было что-то спрятано, и вблизи была хорошо видна белая парашютная ткань. Странно, что бойцы смогли разглядеть ее с расстояния почти в десять метров. Но подошедший к Буторину сержант пояснил:

— Снег сбит с нижних ветвей. Ладно, думаю, зверь мог сбить, лоси, олени. А тут следы увидел. И следы-то человеческие. И не от валенок охотников, а от обуви с каблуками. Значит, сапоги, утепленные, но все же сапоги. Ну а потом уж и парашюты увидел.

— Молодец, — похвалил оперативник. — Глазастый, соображаешь хорошо. Но осторожности в тебе маловато, сержант. Ты же чуть не подорвался! Смотри, под лапу ели проволочка заведена. Отвел бы ты ее в сторону или приподнял бы — и каюк тебе. Наверняка тут граната или мина. Отведи всех на расстояние пятидесяти метров.

— Может не стоит, товарищ майор, — предложил сержант. — Зачем рисковать? Давайте привяжем бечевку и рванем все это хозяйство.

— Эх ты, а еще чекист, боец НКВД, — усмехнулся Буторин. — Это же имущество диверсионной группы. Там могут быть документы, которые группа привезла иностранным агентам. Документы могут быть с фотографиями, личными данными, а не просто чистые бланки. Там могут оказаться какие-то вещи, которые могут помочь изобличить предателей, которые этой группе содействуют. Все это необходимо осмотреть, изучить и использовать, если будет хоть малейшая возможность. А ты «рвануть»! Нельзя ни рвать, ни убивать диверсантов. Такая наша работа — собой рисковать, но брать живьем и со всем имуществом! Понял меня, сержант?

— Так точно, — кивнул рыжеусый боец и, повернувшись к своим бойцам, стал командо-

вать: — Кругом! На сто шагов бегом марш! Быстро, быстро! Ложись!

Убедившись, что все отошли на безопасное расстояние, Буторин принялся осматривать «подарок», оставленный диверсантами. В том, что это были они, он не сомневался. Ясно, что парашют тут не один. Несколько куполов свернуты небрежно, опутаны стропами. Место для того, чтобы спрятать тут имущество, выбрано хорошо. Огромное дерево, широченные лапы нижних ветвей лежат почти на земле. Под этими лапами старой ели могут запросто спрятаться человек шесть. Буторин осмотрелся по сторонам, поднял голову, глядя на деревья. Да, приземлялись они вон на том открытом безлесном участке. Ребята действительно опытные, управлять парашютами умеют. Странно, что одного из них унесло так далеко. Да и здесь не обошлось без неприятностей. Вон на том дереве повис парашютист. Стягивали парашют и сломали три больших ветки.

Буторин внимательно осмотрел снег, еловые ветки в нижней части дерева и снег на парашюте. Снег был не везде, и возникало ощущение, что его умышленно набросали в двух местах, как раз там, где виднелась тонкая стальная проволока. Вытащив из ножен финку, оперативник начал очень осторожно, миллиметр за миллиметр

отгребать снег в том месте, где в нем утопала проволока. Через минуту кончик ножа коснулся металла. Положив нож, Буторин стал дышать на руки, пытаясь хоть немного согреть их, чтобы пальцы не теряли чувствительности. Нельзя напортачить, когда такая удача, когда нашелся схрон диверсантов на месте приземления.

Отогрев руки, Буторин снова стал разгребать снег, обнажая корпус гранаты. Это оказалась обычная советская ручная граната Ф-1 еще со старым довоенным запалом системы Ковешникова. Что, у японцев не нашлось современных гранат Красной армии? Кажется, с 42-го или 43-го года гранаты выпускались с унифицированным запалом УЗРГ. Значит, можно предположить, что диверсанты вооружены советским оружием. Резонно. И патроны к советскому оружию найти на советской территории легче.

Снег был рыхлый, морозный, и счищать его было легко. Хорошо, что не было в последнее время оттепелей, а то бы проволока и граната вмерзли бы в снег и тогда с ними ничего нельзя было сделать. Когда корпус гранаты полностью освободился от снега, внутри у Буторина все похолодело: усики чеки, удерживающей предохранительную скобу, были разогнуты полностью и наполовину выдвинуты. Малейшее движение

проволоки, самое слабое натяжение, и чека выскочила бы. Схватить и отбросить гранату не получится, она примотана бечевкой к стропе парашюта. Отбежать за 3—4 секунды в сторону от гранаты на расстояние больше радиуса поражения удастся, но не факт.

Стараясь не шевелиться, Буторин снова стал дышать на руки, согревая их. Затем он осторожно протянул руки и одной рукой взялся за корпус гранаты, второй прижал чеку пальцами в том месте, где находилось кольцо запала. Медленно он вдавил усики назад в отверстие. Теперь он держал гранату правой рукой, удерживая чеку в отверстии запала. Взяв левой рукой нож, он просунул лезвие между усиками и отвел один из них в одну сторону, второй в другую. Все, граната обезврежена.

Других проволочек, кажется, нет. Если еще какой-то сюрприз есть под парашютами, то его не найти, как ни старайся. Вряд ли там есть еще граната или мина, но рисковать без всякого смысла не хотелось. Отрезав приличный кусок стропы, Буторин стал отходить назад, отпуская стропу. Длины хватило почти на десять метров. Бойцы напряженно смотрели на его действия и не поднимались. На всякий случай подав команду всем лежать, Буторин лег сам и стал

тянуть стропу на себя. Из-под дерева пополз один парашют, он зацепился за что-то, вся белая гора имущества диверсантов колыхнулась, потом парашют пополз легче. Ну, кажется, сюрпризов нет!

Через несколько минут он вместе с бойцами вытащил из-под дерева пять парашютов. При ближайшем рассмотрении у одного из них было крепление для груза. Значит, был еще и мягкий десантный контейнер. Четверо диверсантов ушли в неизвестном направлении. За сутки они могли уйти очень далеко, а при определенной сноровке заскочить на товарный состав и уехать на несколько десятков или сотен километров от этого места.

ГЛАВА 2

Сняв полушубок, полковник Крапивин расправил гимнастерку под ремнями и решительным шагом подошел к своему столу. Вся группа Шелестова была в сборе. Буторин приехал вместе с полковником последним и теперь с готовностью помогал секретарю разливать горячий свежезаваренный чай по большим бокалам.

— Вот, спасибо, Зинаида, — похвалил Крапивин девушку. — Ты молодец. И о чашках беспокоилась.

— Сейчас Леша бутербродов принесет, Илья Валерьевич, — улыбнулась секретарь. — Вы ж и не пообедали!

Оперативники взялись за бокалы и стали с наслаждением пить горячий чай. Крапивин отодвинул свою чашку в сторону и расстелил на столе карту района приземления диверсантов.

Шелестов, держа в руке бокал, подошел к полковнику и посмотрел на карту.

— Место приземления погибшего диверсанта мы осмотрели, — сказал он, постучав пальцем по соответствующему участку карты. — Там действительно нет больше никаких следов. Бедолага сам выпутывался из создавшейся ситуации, но увы. Он умудрился зацепиться куполом парашюта чуть ли не за самое высокое дерево в округе. И когда сорвался вниз, переломал себе ноги. Тут все понятно. А вот с остальной частью группы у нас проблема, товарищи.

— Да, судя по парашютам, они тоже забрасывались японцами, — согласился Крапивин — Есть основания полагать, что эти четверо и погибший пятый — были членами одной группы. И по направлению ветра в тот день он вполне мог быть отнесен туда, где мы нашли парашют. Наличие грузового парашюта говорит нам о том, что у группы были серьезные намерения. Придется крепко подумать, где и как их искать. Ориентировки мы разослали, оповестили всех, кого могли, в том числе и штаб Дальневосточного фронта.

— За сутки они могли уйти далеко, — вставил Буторин. — Но я думаю, что они, отойдя от места высадки, уехали. Блокировать район

мы можем за несколько часов силами местной милиции, охотников, подвижными группами бойцов войсковых частей. Полагаю, что диверсанты это понимают и сразу имели планы, как и в каком направлении уехать.

— За несколько часов диверсанты могли дойти до железной дороги, — согласился Крапивин. — А это значит, что теоретически у них была возможность на тех участках, где составы снижают скорость, сесть на любой товарняк и уехать на север в сторону Комсомольска-на-Амуре или в сторону Владивостока в южном направлении.

— Увы, да, — сказал Шелестов. — В данной ситуации, когда группа ушла у нас из-под самого носа, в ситуации, когда мы понимаем, что это могла быть не единственная диверсионная группа, заброшенная милитаристами на нашу территорию на Дальнем Востоке, выход у нас один — действовать на опережение, а не ждать, когда какая-то вражеская разведывательно-диверсионная группа проявит себя. Мы должны их ждать в тех местах, где они могут появиться. С магистралями мы решили? Так, Илья Валерьевич?

— Совершенно верно, — ответил Крапивин. — Имеющимися у нас в регионе силами мы усилили охрану мостов, тоннелей, усиленно

патрулируются шоссейные дороги и железнодорожные магистрали. Так же патрулируются линии электропередачи и телефонно-телеграфной связи. Но мы с вами должны исходить из того, что немцы знают, что советская разведка располагает сведениями о том, что Япония не готова к нападению на СССР. И поэтому часть боеспособных, полностью укомплектованных дивизий советское командование перебрасывает с Дальнего Востока на фронт. Немецкая армия потеряла наступательную инициативу после Сталинграда и Курской дуги. Под Курском вермахт понес невосполнимые потери в танках и самолетах. Берлин всеми силами пытается остановить отправку советских боеспособных войск с Дальнего Востока на советско-германский фронт, не желая, чтобы мы увеличили наши силы. Комиссар Платов предполагает, что, возможно, немецкая разведка решила совершить ряд диверсий, которые заставят советское командование остановить переброску, заставят поверить, что нападение Японии на СССР вот-вот произойдет.

— Вот именно, — согласился Шелестов. — Перед отправкой сюда мы получили от Петра Анатольевича такие же инструкции. Целями диверсионных групп могут быть только очень